

Помните формулу, которую повторяет Оптимистенко — персонаж пьесы Маяковского «Баня»? «Увязать и согласовать». Его бюрократическое мышление озабочено главным образом именно этими двумя действиями: увязать все вопросы друг с другом и согласовать их между собой.

Если мы применим эту формулу к нашей речи, то она неожиданно приобретает вполне серьезный и очень важный смысл. Ведь все слова в высказывании должны быть хорошо «увязаны и согласованы» друг с другом — иначе предложение будет синтаксически неправильным. Отчасти мы уже убедились в этом на примере управления. Об этом же свидетельствуют и правила согласования слов. Основные из этих правил хорошо известны: подлежащее согласуется со сказуемым в лице, числе и (если глагол — в прошедшем времени) роде: Я пишу — Вы пишете; Ребенок играет — Дети спят; Поезд отправился ровно в полночь — Машина пришла к вечеру; прилагательное, выступающее в роли определения, согласуется с определяемым существительным в роде, числе и падеже: спелому яблоку, о весенней роще, долгими ночами.

Разумеется, нет надобности повторять то, о чем можно прочесть в школьном учебнике. Обратим внимание лишь на некоторые трудные и тонкие случаи грамматического согласования слов в предложении. Кое-какие из этих случаев, как мы увидим, представляют собой сложные лингвистические задачи, не имеющие однозначного решения.

...Редактор читал очередную статью. Да, автор пишет бойко, ничего не скажешь! Вот только с грамматикой он не всегда в ладах. Пишет, например: *Большинство молодежи были направлены на летние работы в колхоз.* Так не годится! И редактор исправляет: *Большинство молодежи было направлено...* Но вот через две страницы снова встречается нечто подобное: *Большинство участников совещания поддержали докладчика.* Надо бы исправить: *большинство...*

поддержало. Но почему-то рука медлит: и так, как написано, — тоже как будто неплохо. А дальше — еще одна похожая конструкция: *Большинство ребят, приехавших в лагерь, на разные лады повторяли заполнившуюся*

каждому из них поговорку...

Тут множественное число сказуемого — *повторяли* — кажется даже более уместным, и заменять его единственным как-то не хочется.

В чем же дело? Как будто один и тот же случай согласования: подлежащее, выраженное сочетанием слова *большинство* с родительным падежом существительного, плюс сказуемое, но языковое чутье редактора верно подметило некоторые тонкие различия между встретившимися ему тремя фразами. Попытаемся сформулировать эти различия.

В первой фразе говорится о некоторой совокупности людей (*большинство молодежи*), управляемое слово при слове *большинство*, хотя и обозначает множество, стоит в единственном числе, — естественно и сказуемое поставить в этом же, единственном числе. Во второй фразе управляемое слово при слове *большинство* имеет форму множественного числа: *большинство участников*, причем подразумевается, что участники совещания поддержали докладчика не «скопом», а каждый в отдельности.

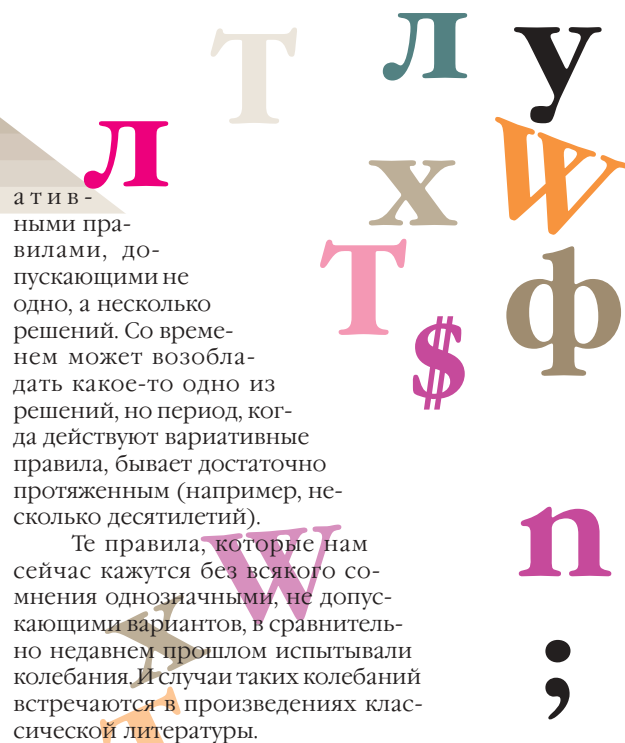
Третья фраза содержит прямые указания на то, что *большинство* не мыслится в этом случае как некая единая совокупность: сравните такие обороты, как *на разные лады повторяли, каждому из них.* А коли это не «монолит» (сравните: *Абсолютное большинство собравшихся проголосовало против*), а некое множество, то логично поставить сказуемое во множественном числе.

— Что-то уж очень мудрено, — вправе заметить читатель. — Это в каждом случае надо вникать в тонкости, учитывая монолитность или разрозненность «большинства», самостоятельность, отдельность или же, напротив, совместность действий тех, кто составляет это большинство, и тому подобное?! Этак и единого правила согласования не выработаешь — каждый будет писать, как бог на душу положит...

Верно. Единого правила согласования указанного оборота со сказуемым нет. Тут правила формулируются не как жесткие рекомендации, а в виде предпочтений. Они предоставляют говорящим некоторую свободу выбора.

Подобное положение — не случайное, а вполне естественное, даже закономерное явление: в языке есть участки, которые описываются вари-

Леонид Крысин

а т и в -

ными правилами, допускающими не одно, а несколько решений. Со временем может возобладать какое-то одно из решений, но период, когда действуют вариативные правила, бывает достаточно протяженным (например, несколько десятилетий).

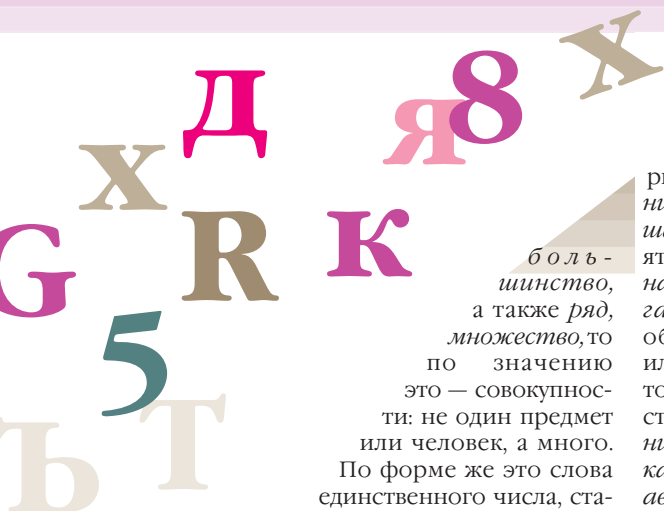
Вот только один пример.

Известно, что местоимения *кто, что, кто-нибудь, что-либо* и т. п. не имеют морфологически выраженного рода (у них нет родовых окончаний). Однако синтаксически, при сочетании с глаголом-сказуемым и определениями, род выражается, причем по-разному. Местоимение *что* и сложные с ним (*что-нибудь, что-либо, что-то*) согласуются со средним родом сказуемого и определения: *Что-то темное закрыло окно.* А местоимение *кто*, а также *кто-нибудь, кто-либо, кто-то* — с мужским: *Кто принес деньги? Кто-то, неразличимый в темноте, громко вскрикнул.* Это правило обязательно даже в том случае, когда речь идет о женщине: нельзя спросить: *Кто принесла деньги?* — или сообщить: *Кто-то положила книгу на стол.* Но вот Пушкин считал нормальным и такое, невозможное с нашей точки зрения, согласование местоимения *кто* со сказуемым:

«— Печален ты, признайся, что с тобой? — Люблю, мой друг. — Но кто ж тебя пленил?».

Однако в некоторых случаях трудно предпочесть какой-нибудь один способ выражения: либо все они хороши, либо ни один из многих не является удовлетворительным. Не единственные правила возникают там, где смысл высказывания вступает в противоречие с грамматикой. Ведь когда мы употребляем слово

и согласовывать

Леонид Петрович Крысин, доктор филологических наук, заместитель директора Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской Академии наук

б о л ь - ш и н с т в о , а также ряд , по значению это — совокупности: не один предмет или человек, а много. По форме же это слова единственного числа, стало быть, это число должно лежать в основе согласования их с другими членами предложения — сказуемым и определениями. Смысл требует множественного числа, грамматика — единственного. Борьба двух этих тенденций порождает вариативные правила: это грамматические, синтаксические правила, но в них учтены и факторы смысловые.

Другой пример подобных вариативных правил дает нам согласование сказуемого с подлежащим, которое выражается сочетанием форм именительного и творительного падежей: *Коля с Ваней; мальчик с собакой*. Правила согласования в этом случае гласят: если слова, составляющие указанное сочетание, обозначают равно активных участников действия, то сказуемое имеет форму множественного числа: *Коля с Ваней сдали контрольные работы первыми*. Если же тот участник ситуации, который обозначен формой творительного падежа, мыслится как некий «дополнительный», менее активный, нежели тот, что выражен именительным падежом существительного или местоимения, то сказуемое ставится в единственном числе: *Вошел старик с собакой*. Вошли, конечно, два живых существа, но собака была «при человеке», она вошла не сама по себе — ее ввел старик.

Смысловой фактор может целиком обуславливать форму сказуемого. Так, при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием: *семь листов бумаги, двадцать студентов, сорок восемь ударов, трое сирот, шестеро мотоциклистов*, — сказуемое бывает как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Выбор числовой формы зависит от содержания фразы. Употребляя множественное чис-

ло, вы подчеркиваете раздельность совершаемого действия или же самих участников ситуации, предметов, о которых идет речь: *Шесть десятиклассников отправились на поиски малыша* (имеется в виду: каждый самостоятельно); *К празднику в разных районах города откроются еще пять магазинов*. Если же подчеркивается общность, совместность действия или совокупность лиц или предметов, то обычно используется форма единственного числа сказуемого: *С заданием уничтожить группу противника в деревню было послано двадцать автоматчиков* (все вместе).

Нечто совсем иное наблюдается при согласовании сказуемого с подлежащим, которое выражено сочетанием составного числительного, оканчивающегося на *один*, и существительного в единственном числе (*двадцать одна партия, триста сорок один студент* и т. п.). Здесь смысл вступает прямо-таки в кричащее противоречие с грамматикой. На стороне грамматики такой очевидный аргумент, как форма единственного числа и числительного, и существительного, — значит, такую же должна быть форма сказуемого. Но на стороне смысла аргумент не менее веский: ведь речь идет не об одном, а о многих, о множестве. Что ж с того, что *двадцать один* оканчивается словом *один* — имеется в виду-то не один, а два с лишним десятка!

Грамматика диктует: согласуй по единственному числу! Смысл сопротивляется: по единственному нелепо, надо по множественному! Если следовать грамматике, то надо говорить и писать: *Двадцать один ученик окончил школу с золотыми и серебряными медалями*; если согласовывать по смыслу, то следует предпочесть иную форму: *Двадцать один ученик окончили школу с золотыми и серебряными медалями*. И так не вполне хорошо, и этак плохо.

В тех случаях, когда подлежащее (с такими числительными) обозначает некоторую совокупность, на которую направлено действие, единственное число сказуемого выглядит вполне нормально: *Тридцать один пакет был отправлен утренней почтой; Учениками нашего класса отремонтирована сто шестьдесят одна парта*. Но когда речь идет о раздельных и притом активных действиях каждого из множества, то чаще побеждает смысл: *Пятьдесят один участник похода отправились в разных на-*

правлениях. Конечно, многое здесь зависит еще и от наличия во фразе определенных обстоятельств (в только что приведенном предложении: *в разных направлениях*), от значения глагола-сказуемого. Такие глаголы, как *собраться, встретиться*, предполагают по смыслу не одного, а нескольких участников действия — следовательно, более естественно согласовывать их с подлежащими рассматриваемого типа в форме множественного числа. Та же числовая форма свойственна и сказуемым, выраженным глаголами *распределить, разместить, рассредоточить* и подобным. Если и в этом случае говорящий вздумает неукоснительно соблюдать требования грамматики, то он получит фразы, звучащие по меньшей мере странно: *Двести сорок одна овца была отловлена чабанами и распределена по отарам; Сто двадцать*

один отдыхающий разместился в новом корпусе санатория. Но и форма множественного числа в подобных случаях не спасает положения. *Двести сорок одна овца были отловлены и распределены по отарам? Сто двадцать один отдыхающий разместились?* Не знаю, как вам, но мне и эти фразы режут ухо.

Вывод напрашивается сам собой: в русском языке нет хорошего способа согласования сказуемого с подлежащим, которое выражено составным числительным, оканчивающимся на *один*, и существительным. Чтобы передать мысль вполне грамотно, лучше всего изменить структуру высказывания и сделать подлежащее дополнением: *Чабаны отловили двести сорок одну овцу и распределили их по отарам; В новом корпусе санатория разместили сто двадцать одного отдыхающего*. (А еще лучше — выразиться менее точно, зато более грамотно: *В новом корпусе санатория разместились свыше ста отдыхающих*),

По мнению исследователей, специально занимавшихся изучением сочетаемости русского числительного, эта область нашего языка является наименее единообразной (и потому наименее нормированной). Многие здесь не устоялось: можно сказать так, можно иначе, а лучше выбрать третий или четвертый способы

выражения. Ни в какой другой ситуации человек, хорошо знающий русский язык, не становится в тупик так часто, как в ситуациях, где необходимо использовать числительные. Причины этого — в морфологической и синтаксической разнородности числительных: одни из них склоняются как существительные, другие — как прилагательные, одни требуют после себя единственного числа существительного в родительном падеже, другие — множественного: *два стула, три сестры, четыре ведра — пять стульев, шесть сестер, десять ведер*. А числительное *один* — некоторые ученые и числительным-то его не

считают (это, по их мнению, существительное) — сочетается с формой единственного числа именительного падежа: *один стул, одна сестра, одно ведро*.

Однако согласование сказуемого и определений с числительными и вообще с количественными словами и оборотами (такими, например, как *несколько, много, мало, большинство* и подобными) — лишь небольшой «участок» синтаксического согласования. Немало трудностей возникает и при грамматическом связывании других частей речи.

Например, правило согласования определений с так называемыми словами общего рода (*сирота, плакса, растяпа*) рекомендует употреблять мужской род прилагательного, если речь идет о мужчине, и женский, если имеется в виду женщина: *Миша — круглый сирота. Маша — большая плакса*. Но нередко, особенно в разговорной речи, отступления от этого правила. Из-за того, что рассматриваемые слова внешне похожи на существительные женского рода (у них окончание — *а*), можно, говоря о мужчине, употребить прилагательное женского рода: *Петр — большая уллица*. Но о женщине нельзя сказать: *Вера — большой уллица*, так что отступление от правила является односторонним.

«Парные обозначения», то есть названия типа *сестра-хозяйка, трактор-тягач*, не вызывают затруднений при их согласовании со сказуемыми и определениями, если оба члена такой пары — одного рода: *Вошла сестра-хозяйка; За окном тархтел огромный трактор-тягач*. А если это разнородные или даже «разночисленные» существительные, например *кресло-качалка, антенна-излучатель, аэросани-глиссер*? Тогда чаще

суются с первым членом наименования, который обычно обозначает родовое понятие: *новое кресло-качалка, установленная в приборе антенна-излучатель; В углу стоял красный диван-кровать; Эти аэросани-глиссер развивают очень высокую скорость*.

Однако и здесь возможны отступления от правила.

Например, если подчеркиваются свойства, обозначаемые вторым членом парного наименования, то возможно согласование по роду и числу этого второго члена: *двухспальная диван-кровать; Вагон-весы были неисправны*. (Сравните: *Вагон-весы прицеплен к составу последним*.) Играет роль также порядок слов. Если определение стоит после наименования, то на его род и число может оказывать влияние последняя часть: *морж-самка, расползшаяся на льдине вместе с детенышами; томат-паста, расфасованная в банки*.

На примере вариативных правил согласования мы видим, что жизнь слова в предложении не всегда подчинена строгим и определенным закономерностям — кое в чем поведение слова весьма прихотливо, а иногда и капризно. Значит ли это, что в подобных случаях мы не должны придерживаться никаких правил, что как ни скажи — все будет хорошо? Такой вывод был бы глубоко ошибочен.

Вариативность, подвижность некоторых правил синтаксического согласования не означают хаоса, грамматической «анархии», «свободы воли» каждого говорящего. Такие правила свидетельствуют о том, что при выборе способа согласования в каждом конкретном предложении надо учитывать многочисленные и разные по своей природе обстоятельства. Вариативное правило менее жестко, чем правило, однозначно рекомендуемое определенный способ выражения. Вследствие этого такое правило может показаться и более простым. В действительности же дело обстоит как раз наоборот: именно потому, что применение вариативного правила невозможно без учета многих разнородных факторов, оно сложнее, чем правило «однозначное».

Разумеется, не надо думать, что все правила грамматического согласования нежестки, вариативны. Да вы и сами это прекрасно знаете. Главные из них — те, что управляют взаимодействием большинства слов языка и составляют как бы стержень согласовательной системы, — вполне определены: сравните основные правила согласования подлежащего и сказуемого, определения и определяемого, о которых мы сказали в начале.

В качестве еще одного примера «однозначного» правила приведем

способ согласования сказуемого и обстоятельства, выраженного либо деепричастным оборотом, либо особым предложно-падежным сочетанием.

Помните знаменитую фразу из рассказа Антона Павловича Чехова «Жалобная книга»? «Подъезжая к сией станции, у меня слетела шляпа». Подъезжала, а слетела *шляпа*, но, если судить по приведенной фразе, подъезжала только *шляпа*. Здесь допущено вопиющее нарушение правила, регулирующего употребление деепричастных оборотов в русском языке. У сказуемого главного предложения и у деепричастной формы глагола должен быть общий субъект действия. Проще говоря, тот, кто исполняет основное действие, выражаемое сказуемым, исполняет и действие побочное, «сопроводительное», которое выражено в деепричастии: *Достав ручку, он начал писать* (он достал и он же начал писать); *Переходя улицу, будь внимателен* (когда ты переходишь, то ты будь внимателен).

Оказывается, что этому же правилу подчиняется и употребление некоторых обстоятельственных оборотов — например, со значением времени: *по прибытии, после окончания* и т. п. Присмотревшись к этим обстоятельствам, вы убедитесь, что их легко переделать в деепричастия: *прибыв, окончив*. Поэтому и правило употребления у них одно: у действия, выражаемого и сказуемым, и обстоятельственным оборотом, должен быть один, общий «исполнитель». *После окончания школы Саша поступил в институт = Саша окончил и Саша поступил; По прибытии в расположение полка генерал вызвал к себе подчиненных = генерал прибыл и генерал вызвал подчиненных*. Неправильно: *После окончания школы директор вручил нам аттестаты зрелости* — окончили школу мы, а вручил аттестаты директор (разные субъекты действия у сказуемого и у обстоятельства).

На примере этого правила мы можем убедиться в том, что в речи согласованными должны быть не только «поверхностные» признаки слов — скажем, их родовые и падежные окончания, показатели числа, — но и «глубинные». Вот вам наглядное подтверждение органической связи «глубины» и «поверхности» — смысла и грамматики.

Эта связь проявляется даже в такой области, которая представляется чисто внешней характеристикой предложения. Речь идет о порядке слов. Вот о том, как отражается на смысловой и грамматической структуре высказывания место в нем отдельного слова, мы и поговорим в следующий раз.